

АНАТОЛИЙ ЮНОВИДОВ

КРЫМ 1941

БИТВА ЗА ПЕРЕШЕЙКИ

ПЯТЫЙ РИМ

Анатолий Юновидов

Крым 1941. Битва за перешейки

Издательство «Пятый Рим»

2019

УДК 355/359
ББК 68

Юновидов А. С.

Крым 1941. Битва за перешейки / А. С. Юновидов —
Издательство «Пятый Рим», 2019

ISBN 978-5-6043327-1-9

Новая книга Анатолия Юновидова, известного российскому читателю по таким работам, как «Десанты 1941 года», «Оборона Одессы» и «Одинокая война», рассказывает об одной из самых больших загадок Великой Отечественной войны — о том, как немецким войскам удалось всего за пару месяцев овладеть почти всей территорией Крымского полуострова, исключая Севастополь и его окрестности. Впервые приводится сравнение истинного положения дел в Крыму осенью 1941 года и того, как оно отображалось в официальной советской пропаганде. Книга основана на многочисленных архивных документах. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355/359

ББК 68

ISBN 978-5-6043327-1-9

© Юновидов А. С., 2019

© Издательство «Пятый Рим», 2019

Содержание

Введение	6
Подготовка	8
По довоенным стереотипам (20 июня – 16 июля)	8
Мобилизация и эвакуация (22 июня – 29 октября)	12
Смена приоритетов (17 июля – 13 августа)	16
Сплошной аэродром (23 августа – 1 сентября)	20
Корпус превращается в армию (14 августа – 20 сентября)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Сергеевич Юновидов

Крым 1941. Битва за перешейки

© Юновидов А. С., 2019

© Издательство «Пятый Рим»™, 2019

© ООО «Бестселлер», 2019

Введение

Перед вами моя третья книга о боевых действиях на прибрежных плацдармах Великой Отечественной войны, на этот раз посвященная обороне Крымского полуострова.

Оборона Крыма до настоящего времени остается одной из самых малоизученных страниц Великой Отечественной войны. Страницей, про которую, несмотря на наличие мемуаров многих ее участников, в советское время не любили слишком много вспоминать.

Не обделен вниманием был только самый героический эпизод этой борьбы – оборона Севастополя. Такое положение объяснялось разными причинами, и прежде всего – многочисленными ошибками, допущенными во время борьбы за полуостров как в 41-м, так и в 42-м году. И пусть ошибки эти во многом объяснялись объективными причинами, оборона Крыма попала в число тех операций, вспоминать о которых предпочитали как можно меньше.

Как это часто случалось с историей Великой Отечественной войны, оборона Крыма оказалась поделенной на «героические страницы» и белые пятна, быстро превратившиеся в зияющие пробелы в истории борьбы за полуостров.

Если люди старшего возраста хорошо знали об обороне Севастополя, то мало кто представлял себе, каким образом немцы ухитрились оказаться под его стенами. В постсоветское время ситуация принципиально не изменилась, хотя, казалось бы, для этого были созданы все условия – более доступными стали архивные материалы и иностранные источники, появилась возможность рассматривать исторические события под любым углом зрения.

Однако история обороны Крыма по-прежнему поделена на светлую и темную – более и менее известную, оцениваемую позитивно и негативно. Меньше всего повезло начальному и заключительному периодам борьбы за полуостров, которые стали восприниматься как откровенно провальные и ассоциироваться исключительно с просчетами, допущенными советским командованием.

Такая однобокая трактовка привела к тому, что причины, приведшие к трагическому развитию событий, до сих пор остаются неизвестными, как и во многом те тяжелые условия, в которых советские войска проявили беспримерные мужество и героизм.

Эта книга, как и моя предыдущая работа, посвященная обороне Одессы, является первым обращением к теме на уровне комплексного исследования, ставящего задачу дать читателям возможно более целостную картину событий, происходивших на Крымском полуострове в 1941 году.

Тема обороны Крыма, которую правильнее называть борьбой за Крым (так как в ней решались не только оборонительные, но и наступательные задачи), настолько объемна и многообразна, что даже в самых общих чертах ее сложно уложить в одну книгу без риска потери огромного количества не только существенных деталей, но и целых страниц упорной борьбы за полуостров, продолжавшейся почти год.

Поэтому в данной книге будет рассматриваться только начальный, оборонительный период борьбы за Крым, то есть события, происходившие в сентябре – декабре 41-го года, и их предыстория.

В книге дается подробное описание боевых действий на Тендровском боевом участке, тесно связанном с обороной Крыма. Кроме того, рассматривается и картина боевых действий на Ак-Монайской позиции, конечным итогом которых стала быстрая сдача Керчи. Кроме того, впервые максимально подробно рассматриваются и сражения на Ишуньских позициях, обычно оказывающиеся на периферии внимания наших исследователей.

Вообще, события октября и особенно ноября 1941 г. в литературе, посвященной обороне полуострова, являются наименее освещенными страницами борьбы за Крым.

В книге предпринята попытка исправить сложившееся положение и дать цельную картину этих событий, являющихся не менее значимыми, чем бои за Перекопский перешеек.

Многие документы, использованные для воссоздания картины этих событий, впервые вводятся в оборот. Также впервые публикуются оперативные схемы движения линии фронта в период после прорыва противника через Ишуньские позиции.

Как и в предыдущих книгах, основной упор делается на описание применявшихся обеими сторонами тактических приемов, а также на анализ хода боевых действий. Оборону Крыма можно с полным правом назвать «трагедией неправильных решений». Поэтому много внимания уделено анализу обоснованности принимаемых командных решений и причин, ставших основой их принятия.

Большое внимание уделяется многим героическим и трагическим событиям, не привлечшим в свое время должного внимания исследователей. Во время борьбы за Крым особенно ярко проявились проблемы, стоявшие перед Красной армией и страной в тот период. Борьба за полуостров стала своего рода лакмусовой бумажкой, которая показала, к сколь трагическим последствиям могут привести просчеты в командовании войсками, а также то, что дело не только в просчетах. Смена командующих обороной полуострова не смогла изменить ход обороны Крыма. В книге делается попытка выяснить, почему это произошло.

Но вместе с тем оборона полуострова не была и напрасной. Оборона Крыма явилась первым провалом немецкого блицкрига. На овладение всем полуостровом немецкому командованию потребовалось более девяти месяцев, а на прорыв через три перешейка: Перекопский, Ишуньский и Парпачский (Ак-Монайский) – около двух.

При этом советские войска впервые за всю войну смогли избежать окружения, даже находясь вне укрепленных районов в степной части Крыма. Потери, понесенные противником во время прорыва советской обороны на крымских перешейках, сделали невозможным быстрый захват Севастополя и такой же быстрый прорыв на Кавказ.

Надеюсь, что знакомство с этой книгой поможет читателю заново открыть для себя оборону Крыма, которая до сих пор является одной из самых малоработанных тем в истории Великой Отечественной войны.

Все замечания и предложения, возникшие после знакомства с книгой, прошу направлять мне на электронную почту по адресу: superkwest@mail.ru.

Подготовка

По довоенным стереотипам (20 июня – 16 июля)

Крымский полуостров был одним из немногих театров военных действий, меры по обороне которого были приняты советским командованием еще до начала войны.

Расположенная в Крыму Главная военно-морская база Черноморского флота, обширные степные пространства, пригодные для развертывания больших сил авиации, обилие удобных бухт разной величины и, конечно, близость к Кубани и побережью Кавказа делали его важным стратегическим плацдармом, значение которого сложно было переоценить. Как позднее отмечалось в дневнике верховного командования вермахта, *«Крым был важнейшей авиабазой на направлении румынских нефтепереработок и мог служить базой для отправки десантов на болгарское и румынское побережья. Сдача Крыма могла оказать влияние на Румынию, Болгарию, Турцию и общую обстановку на Балканах в масштабах, которые трудно было предугадать»*. Не случайно Гитлер называл его советским непотопляемым авианосцем, угрожавшим румынской нефти.

Поэтому советское командование еще до войны принимало все необходимые, по его мнению, меры для обеспечения безопасности не только Севастопольской военно-морской базы, как об этом иногда пишут некоторые исследователи, но и всего Крымского полуострова.

В состав Одесского военного округа входил развернутый в Крыму 9-й стрелковый корпус, занимавший по оборонительному плану округа район прикрытия № 8.

Задачей корпуса являлось обеспечение защиты Крымского полуострова *«от возможных попыток пр[отивни]ка захватить его с моря или с воздуха»*. Корпус должен был быть в состоянии вести полномасштабное сражение за возможные участки высадки с крупными оперативными десантами противника.

Для этих целей корпус должен был надежно прикрыть сухопутными частями основные направления, считающиеся наиболее угрожаемыми при высадке крупных морских десантов.

Таких направлений, по мнению Генерального штаба, было три: Каркинитский залив, Евпаторийский высадочный район и Феодосийский высадочный район.

Для решения этих задач корпус располагал следующими силами: 156-й стрелковой дивизией генерал-майора Черняева, 32-й кавалерийской дивизией полковника Бацкалевича и 106-й стрелковой дивизией полковника Первушина.

Несмотря на огромную территорию, которую прикрывал корпус, он был слабо обеспечен автотранспортом, и все передвижения части корпуса вынуждены были совершать «на одиннадцатом номере» (пешком), что существенно ограничивало его подвижность.

156-я СД, являвшаяся кадровой, была наиболее боеспособной из всех дивизий корпуса. Как сказал в свое время начальник штаба корпуса полковник Баримов, это было *«единственное соединение стрелковых войск, по-настоящему сколоченное и подготовленное»*. Однако и в ней имелся значительный некомплект техники и вооружения. Не хватало 94 спецмашин, 30 тракторов, 12 мотоциклов, 12 плавающих танков Т-40, 9 счетверенных зенитных пулеметных установок, 9 крупнокалиберных пулеметов, 8 37-мм зенитных орудий и 194 артлошадей.

106-я СД, напротив, являлась самой слабой из всех находившихся в Крыму. Она была совсем недавно сформирована на Северном Кавказе из территориальных частей и была укомплектована лишь наполовину. Вместе с тем некомплект техники в ней был несколько меньше. Дивизия недополучила 68 грузовых машин, 49 спецмашин, 19 тракторов, 4 мотоцикла, 4 танка Т-40, 8 бронемашин, 9 счетверенных зенитных пулеметных установок, 1 крупнокалиберный пулемет, 8 37-мм зенитных орудий и 124 артлошади.

Боеприпасов корпус имел примерно по два боекомплекта, что представлялось его командиру явно недостаточным, и командир корпуса генерал-лейтенант Батов впоследствии просил штаб Южного фронта довести их количество до 8–10.

Также в состав корпуса входили 73-й отдельный батальон связи, 19-й отдельный саперный батальон. В состав войск Крыма входили и расположенные на его территории Симферопольское интендантское военное училище и Качинское военное училище ВВС, которые, естественно, не учитывались оборонительными планами мирного времени.

По плану прикрытия 106-я СД, как наименее боеспособная, прикрывала западное побережье Крыма от Бакальского озера до Севастополя, считавшееся советским командованием наименее уязвимым. *«Наиболее сильные группировки»* дивизия имела в районах Евпатории, Сак и Берегового. Специально выделенный усиленный батальон обеспечивал прикрытие участка Ярылгач – Ак-Мечеть.

156-я дивизия обороняла южное побережье полуострова на участке от Ялты до Керчи, при этом 534-й СП прикрывал Ялтинское и Алуштинское направления, *«имея для обороны берега моря небольшие отряды»*, а главные силы полка сосредоточивались в районе поселка Ангара в резерве командира дивизии.

Гораздо более сильная группировка в составе 417-го СП и 434-го ЛАП (легкий артиллерийский полк) обороняла Феодосийский высадочный район, имея один усиленный батальон для прикрытия Керчи.

32-я кавалерийская дивизия, один полк которой размещался в Джанкое, а остальные в Симферополе, должна была прикрывать Крым от воздушных десантов и в случае прорыва морских десантов в глубь полуострова готовилась действовать по трем вероятным направлениям – на Евпаторию, Перекоп и Джанкой.

Дивизия недополучила 10 спецмашин, 10 танковых пулеметов, 392 автомата ППД, 9 счетверенных зенитных пулеметных установок и 10 крупнокалиберных пулеметов.

Так Перекопское направление впервые прозвучало в планах советского командования. Хотя все его значение на тот момент, конечно, еще не осознавалось, поскольку угроза захвата Крыма с суши не учитывалась, но вариант захвата перешейка высадившимся противником уже рассматривался.

530-й СП 156-й СД вместе с 498-м ГАП выделялись в резерв командира корпуса и сосредотачивались в районе Симферополя и Карасубазара в готовности к действиям в направлениях Евпатории, Берегового, а также на север, при необходимости – до Перекопа и Геническа.

Таким образом, в плане прикрытия оказались заложены все основные пороки, присущие более поздним планам обороны полуострова. Силы всех дивизий распылялись по полуострову, предполагая сдерживание противника до подхода резервов, по сути, не учитывая возможности образования сплошной линии фронта и необходимости ее удерживания.

На момент принятия плана он вполне соответствовал складывавшейся обстановке, но впоследствии перестал отвечать ее изменениям и, что было гораздо хуже, ей не отвечали и вносившиеся в него поправки.

Заблаговременно было создано и командование сухопутных войск Крыма, которое 20 июня возглавил заместитель командующего Закавказским военным округом ветеран Первой мировой и Гражданской войн, участник гражданской войны в Испании генерал-лейтенант Батов. Одновременно Батов был назначен и командующим 9-м отдельным стрелковым корпусом. Однако «командование сухопутными войсками Крыма», по сути, являлось чисто номинальным. 9-й корпус не имел собственной артиллерии, только 4 штатных дивизионных артиллерийских полков неполного состава. Инженерные части и войска связи корпуса насчитывали по одному батальону.

Так как план предусматривал оборону полуострова лишь от десантов, а возможность вторжения в Крым с суши исключалась, рубежи, на которых можно было остановить это втор-

жение, никем не прикрывались и никак не укреплялись. Главной военно-морской базе в этом плане повезло больше: сухопутный рубеж ее обороны все-таки был предусмотрен – на случай высадки противником крупного оперативного десанта.

С началом войны ситуация принципиально не изменилась. 9-й корпус продолжал выполнять прежние задачи, а призрак Крита продолжал витать в Генеральном штабе. Маршал Шапошников в переговорах с командующим войсками Крыма Батовым постоянно напоминал, что *«успех немецкого десанта в Крыму до крайности обострил бы положение не только на Южном фронте. Из Крыма один шаг на Тамань и к кавказской нефти»*. И требовал принять *«все меры противодесантной защиты как на берегу, так и внутри Крыма»*. И генерал-лейтенант Батов их принимал. В Крыму были созданы 33 истребительных батальона. Они контролировали все районы, удобные для посадки самолетов, и железную дорогу на участке Армянск – Феодосия.

Но их создание не укрепило оборону Крыма даже в противодесантном отношении, так как одновременно с этим из Крыма убыла на фронт 32-я кавалерийская дивизия.

После начала войны части обеих стрелковых дивизий приступили к активному строительству оборонительных сооружений. Строили ДОТы, ДЗОТы, окопы, однако не на Перекопе, а на побережье. На возводимых оборонительных рубежах проводились частые учения, направленные на отработку взаимодействия армейских частей с флотом при отражении морских десантов. Несмотря на то, что вооруженные силы Крыма не были подчинены флоту, исходя из характера стоящих перед ними задач, наиболее тесно они взаимодействовали с командованием Черноморского флота. Как вспоминал впоследствии Батов, *«поскольку Ставка Верховного Главнокомандования и Южный фронт тогда не интересовались положением в сухопутных войсках Крыма – им было не до нас, – нам приходилось получать ориентировку преимущественно через штаб флота»*.

Штабу же Черноморского флота постоянно мерещились вражеские десанты, штурмующие базы флота и берега Крыма. Из штаба в Одесскую и Николаевскую военно-морские базы, в командование войск Крыма практически ежедневно поступали устрашающие ориентировки о вскрытых флотской разведкой приготовлениях к тому или иному десанту.

При этом совершенно не учитывалась реальная обстановка. От румынских портов до Крыма было более трехсот километров, а от линии фронта – и все пятьсот. Истребители прикрытия не могли эффективно защищать самолеты с десантом на таком расстоянии от массированных ударов советской истребительной авиации. А время подхода кораблей противника к полуострову позволяло стянуть против него все силы Черноморского флота, господствовавшего на этом театре военных действий. Опыт Крита и Норвегии переносился на Крым чисто механически.

Начало подобной практике оказалось положено уже 22 июня, когда авиаразведкой были обнаружены 10 транспортов противника, предположительно движущихся в направлении Крыма. О возможной угрозе Крыму было немедленно доложено Сталину.

По полученным из Москвы указаниям наркома ВМФ ЧФ приступил к срочной постановке оборонительных минных заграждений в районе главной базы, а командир 9-го стрелкового корпуса Батов получил от наркома обороны указание быть готовым к отражению морских и воздушных десантов в Крым.

В дальнейшем подобная информация поступала регулярно в течение двух месяцев. И хотя ни одно из подобных сообщений (а в их числе был и поданный 27 июня совершенно фантастический сигнал о том, что итальянский флот проследовал через Дарданеллы в Черное море для высадки десанта в Одессе и Севастополе) не подтвердилось, командование Крыма каждый раз педантично обыскивало леса и горы Крыма в поисках очередных десантников и совершенствовало противодесантную оборону побережья.

Большое сосредоточение транспортов противника, наблюдавшееся в начале июля в районе Браилов – Галац, наличие транспортов и сосредоточение десантных болиндеров в румынских портах от Варны до Констанцы служило причиной головной боли командования Черноморского флота, постоянно вызывая предположения о готовящихся десантных операциях.

На этом фоне любое агентурное сообщение о том, что из портов Болгарии и Румынии в неизвестном направлении вышли транспорты с войсками, вызывало в штабе ЧФ состояние, близкое к панике.

По мере продвижения линии фронта на восток объем оборонительных мероприятий увеличивался. Однако направлены они были по-прежнему на усиление противодесантной обороны полуострова.

В возведении оборонительных сооружений было задействовано около 40 тысяч человек, но укрепления строили лишь на побережье и вокруг Севастополя – с целью прикрытия его от воздушных десантов.

На берегу отрывались окопы полного профиля, строились ДЗОТы, создавалась система ложных окопов, на каждую батарею оборудовалось по три позиции. В некоторых частях даже успели соорудить укрытия для машин и лошадей и специальные углубленные окопы для 76-мм орудий, которые позволяли переждать обстрел побережья, а затем подкатить орудие к оборудованной в береговом отвесе амбразуре и открыть огонь.

Недалеко от берега в море ставились лодки, наполненные емкостями с горючим. В случае ночного нападения лодки должны были поражаться зажигательными пулями: пылающая жидкость должна была покрыть поверхность воды, осветив высадочные средства противника.

Даже противотанковые рвы было решено отрыть не на танкоопасных направлениях, а в системе прикрытия высадочных районов, что и было сделано в Феодосии.

Кроме того, были созданы группы артиллерийской поддержки сухопутных войск с моря. В Утлюкский залив вошли канонерские лодки Азовской военной флотилии, для поддержки войск на Арабатской стрелке высадился отряд морской пехоты.

Командование войсками Крыма и ЧФ полностью справилось с поставленной перед ними задачей, максимально использовав имевшиеся в их распоряжении средства и ресурсы для совершенствования противодесантной обороны полуострова.

Но поставленные Ставкой задачи не соответствовали складывающейся обстановке. Ни немцы, ни их союзники не имели в Черном море сил, достаточных для высадки стратегических и даже оперативных десантов.

При этом линия фронта неуклонно двигалась на восток, с каждой неделей все ближе подвигаясь к границам Крыма, где по-прежнему не предпринималось никаких шагов для того, чтобы встретить противника с суши.

Мобилизация и эвакуация (22 июня – 29 октября)

В полной мере десантобоязнь отразилась и на формировании народного ополчения, основой которого послужили созданные еще до войны отряды самообороны. Уже вечером 22 июня Крымский областной комитет партии потребовал от горкомов и райкомов партии: *«поднимите отряды самообороны, мобилизуйте для них автомашины, вооружите боевым оружием, организуйте сеть постов наблюдения за самолетами и воздушными десантами»*.

Через сутки по всему Крыму было создано 33 истребительных батальона для борьбы с воздушными и морскими десантами, общей численностью около 7 тысяч человек. Часть батальонов были кавалерийскими, остальные имели автотранспорт.

Штатная численность каждого такого батальона составляла 205 человек. Он состоял из двух стрелковых рот или кавалерийских эскадронов и взвода связи. Часть батальонов имела смешанную организацию – в их состав входили одна стрелковая рота и один кавалерийский эскадрон. Пешие батальоны имели не менее 5 автомашин для оперативной переброски личного состава на угрожаемые участки.

Все батальоны были довольно хорошо вооружены. Несмотря на то что винтовки в основном были устаревших образцов, ко всем имелись патроны, и недовооруженности не было.

Напротив, на случай возможных поломок на каждый батальон их выдавали с небольшим запасом – по 225 штук. Обеспечить бойцов пулеметами оказалось труднее, но тем не менее каждый батальон получил один ручной пулемет.

Гранат было недостаточно, но имелись и они. Каждый батальон получил их по 100 штук. Кроме того, на батальон выдавалось по три пистолета ТТ.

Все эти подразделения были немедленно переведены на казарменное положение, на котором находились до конца августа, и поставлены на централизованное довольствие. Поэтому, несмотря на участие в строительстве оборонительных сооружений, они имели достаточно времени для боевой подготовки.

Фактически батальоны являлись значительной силой, позволяющей в случае необходимости вместе с другими территориальными формированиями сковать первый эшелон десанта противника. Однако в оперативном отношении их решено было рассматривать лишь как средство усиления. Поэтому ни одна из войсковых частей, занимавшихся противодесантной обороной, за их счет высвобождена не была.

В середине июля началось формирование собственно народного ополчения, проводившееся довольно формально. Созданием ополчения руководил назначенный 15 июля приказом командующего войсками Крыма генерал-лейтенанта Батова *«на должность командующего всеми отрядами народного ополчения»* подполковник Мокроусов – старый большевик с большим опытом нелегальной работы еще в дореволюционное время. Во время Гражданской войны Мокроусов командовал Крымской повстанческой армией, и находившиеся под его командованием отряды смогли отбить у белых Судак. Во время гражданской войны в Испании Мокроусов был военным советником командующего Арагонским фронтом.

Штаб народного ополчения Крыма включил в ополчение по разным данным от 130 до 150 тысяч человек, что составило около шестой части населения полуострова. Такое количество ополченцев было чисто «бумажным», и численность сформированных из них частей оказалась впоследствии в разы меньшей. При этом в разных районах Крыма от трети до половины записавшихся составляли женщины.

Иначе и не могло быть, так как в первые дни войны из Крыма было мобилизовано значительное количество мужчин. В списочный состав ополчения было занесено практически все трудоспособное население Крыма.

Боевая ценность такого контингента была низкой, но большое количество записанных помогло впоследствии отобрать из них кадры, позволившие сформировать несколько ополченческих дивизий. Собственно такой отбор начался с самого момента создания ополчения, когда в городских парторганизациях были созданы полки и отдельные батальоны, на 75 % состоящие из партийного и комсомольского актива. Эти формирования получили статус частей «специального назначения». Их бойцы усиленно готовились, занимаясь боевой подготовкой не менее четырех часов в день.

Но 11 сентября эти части были расформированы, а их личный состав влит в дивизии народного ополчения.

Первоначально Крымские дивизии существовали лишь в рамках формальной организации. Подразделения собирались лишь после работы, были слабо вооружены и в тактическом отношении не сколочены. Наиболее боеспособной являлись 1-я Крымская дивизия полковника Шаповалова и 4-я Крымская дивизия комбрига Киселева. 2-я и 3-я Крымские дивизии командованием первоначально расценивались как небоеспособные.

Впоследствии из частей народного ополчения, помимо четырех стрелковых дивизий, были созданы мотополк, автобатальон и авторота, 3 рабочих и 2 строительных батальона по 435 человек каждый, 5 самокатных батальонов по 200 человек и рота мотоциклистов. Поскольку боеспособность Крымских дивизий была невысока, значительная часть их личного состава (около 2 тысяч человек) была обращена на пополнение частей 51-й армии.

Всего в начале войны, в рамках развернутой ЦК ВКП(б) кампании по организации всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков, было создано огромное количество разнородных добровольческих формирований. В их число входили не только истребительные батальоны и отряды народного ополчения, позднее сведенные в дивизии, но и коммунистические отряды, группы самозащиты, а также противопожарные взводы и группы. Общее их число составило более 166 тысяч человек. Все эти формирования создавались на производстве и не имели единого командования. Коммунистические отряды подчинялись райкомам и обкому ВКП(б), истребительные – органам НКВД, а ополченческие – собственному командованию.

Первый секретарь Крымского обкома партии Булатов был включен в Военный совет ЧФ, а затем – и в Военный совет 51-й армии, что позволяло ему в какой-то степени координировать взаимодействие обкома с армией и флотом.

Переход промышленности Крыма на военные рельсы происходил довольно медленно.

Широко проводившаяся на полуострове мобилизация первой очереди личного состава создала значительные трудности не только в формировании дивизий народного ополчения, но и в развертывании военного производства.

Примерно треть колхозников Крыма была призвана в действующую армию. Примерно столько же активистов потеряли и партийные организации полуострова. Перед Крымом, как и перед всей страной, встали задачи перераспределения рабочей силы. После того как стала возможной блокада полуострова противником, вопросы развертывания собственного производства военной продукции начали, как и в Одессе и Ленинграде, приобретать особое значение.

Если все изменения в течение первых двух месяцев войны согласовывались с Госпланом и общесоюзными наркоматами, то с 28 августа Крымский обком ВКП(б) получил возможность своей властью перестраивать работу предприятий на военный лад. При нем была создана военно-промышленная комиссия, возглавленная секретарем обкома по промышленности, которая развернула на полуострове широкое производство доступных видов вооружения, военной техники и боеприпасов.

Комиссия помогла наладить массовое производство минометов в Симферополе, Керчи и Севастополе. В течение двух месяцев было изготовлено 2 тысячи ротных 50-мм минометов и 70 тысяч мин к ним. Также было изготовлено 800 батальонных 82-мм минометов и 60 тысяч мин.

На базе артелей Крымпромсовета и Наркомместпрома, Керченского завода им. Войкова и Камыш-Бурунского комбината было организовано производство гранат, мин, бутылок с горючей смесью, противопехотных и противотанковых препятствий.

В Севастополе, Керчи, Симферополе и Камыш-Буруне было развернуто строительство семи бронепоездов.

Из Мелитополя в Крым вывезли механические мастерские, которые перешли на ремонт легких танков. В период боев 78 танков были восстановлены на заводе им. Войкова. За 10 дней до захвата противником Симферополя часть станков с ремонтных заводов была перевезена в Севастополь, что позволило затем организовать там спецкомбинат.

Однако такого широкого размаха, как в Одессе, организация военной промышленности на всем полуострове не получила.

Эвакуация здесь носила еще более сложный и противоречивый характер, чем в Одессе.

Совместная Директива СНК и ЦК ВКП(б) от 29 июня «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» поставила масштабные задачи по эвакуации наиболее ценного имущества, максимально возможного количества населения и по уничтожению всего того, что невозможно будет вывезти.

Но какие территории и с какого времени считать находящимися под угрозой временной оккупации, никто заранее сказать не мог, и порядок своевременного определения таких территорий так и не был выработан. Вышедшее за день до этого совместное постановление СНК и ЦК не установило единого порядка и даже единого органа, определяющего время эвакуации и начало подготовки к ней. Этими вопросами должен был заниматься либо специально созданный 24 июня совет по эвакуации, либо Военные советы фронтов. На местные органы власти возлагалось лишь осуществление эвакуационных мероприятий. Однако на практике ответственность в значительном количестве случаев оказалась переложенной именно на них.

30 июня все обкомы ВКП(б), отнесенные к прифронтовым, приняли постановления о выполнении спущенной им накануне директивы об эвакуации. Но при этом командование Юго-Западного фронта по указанию Ставки предусмотрело эвакуацию только областей, расположенных западнее Днепра. Области, находящиеся восточнее, были объявлены «находящимися на военном положении», и нигде не разъяснялось, подлежат они подготовке к эвакуации или нет. Прямо об этом не говорилось ни в одном документе. Руководители областей должны были готовить свое население, хозяйство и территорию к упорной обороне и в случае необходимости – к своевременному оставлению и эвакуации. Вопрос о том, кто будет определять эту необходимость, остался открытым и повис в воздухе.

Крымский обком в этом отношении проявил максимум инициативы и в вопросах подготовки к возможной эвакуации обогнал даже области соседней с ним Левобережной Украины, к которой противник находился значительно ближе.

4 июля было проведено совещание секретарей райкомов, на котором были обсуждены мероприятия на случай угрозы вторжения фашистских войск, включая эвакуацию и организацию партизанского движения. По результатам совещания обком направил письмо в горкомы и райкомы, в котором развил положения директивы СНК и ЦК «О борьбе на оккупированных территориях».

Партийные работники должны были оставлять города и села последними, вместе с воинскими частями. В соответствии с этим письмом во всех населенных пунктах была развернута работа по подготовке к эвакуации и отбору кадров для руководства ополченческими и партизанскими отрядами.

Руководство Левобережной Украины, напротив, в своих действиях больше полагалось на указания органов, уполномоченных принимать такие решения. С 11 августа по решению Совета по эвакуации на Левобережье началась эвакуация крупного рогатого скота и молодняка лошадей, а с 29 августа, на основании приказа командующего Юго-Западного фронта, – эва-

куация промышленных предприятий и ценностей. А 8 сентября Запорожская область начала переселение колхозов, в том числе из пограничных с Крымом районов.

Из Крыма также эвакуировали около 700 тысяч голов скота, 2/3 из которых перегнали через Перекоп на Мариуполь и Донецк, а оставшихся переправили через Керченский пролив на Кубань. А вот эвакуация тракторного парка кончилась полной неудачей, хотя была начата абсолютно своевременно.

Около четырех тысяч тракторов было сосредоточено в Керчи для эвакуации их на Кубань. Но достаточного количества транспорта для их переправы найти так и не удалось.

В самом Крыму эвакуация предприятий была начата в июле, после того как противник вошел в район Херсон – Николаев. По решению Совета по эвакуации были вывезены Керченский металлургический завод им. Войкова, четыре симферопольских консервных завода и кожевенный завод, а также судоремонтные заводы из Керчи и Севастополя. Эти предприятия, а также сельскохозяйственный и медицинский институты удалось эвакуировать с их коллективами.

19 августа Совет по эвакуации распорядился вывезти из Крыма 85 тысяч рабочих и служащих вместе с их семьями. Около 35 тысяч планировалось вывезти по железной дороге, а остальных пароходами.

Совнарком Крыма был уже давно готов к такому решению и тут же обратился в комитет с просьбой организовать в Симферополе эвакупункт первого класса для эвакуации по железной дороге и эвакупункты второго класса для эвакуации водным путем в Севастополе, Евпатории, Феодосии и Керчи. 26 августа разрешение было получено. За два последующих месяца из Крыма было эвакуировано более 225 тысяч человек. Последнее решение об эвакуации было принято уже после прорыва Ишуньских позиций, 29 октября.

Впрочем, все это не помешало Крымскому обкому 10 сентября с шумом и помпой объявить о начале осенней посевной кампании. В силу складывающейся обстановки она не могла иметь никакой практической ценности и носила явно пропагандистский характер, что, впрочем, откровенно признавалось в информационных сообщениях, отправлявшихся из Крыма в ЦК ВКП(б). *«Днями Крым приступает к севу. Решение обкома партии о проведении осеннего сева подняло боевой дух не только трудящихся деревни, но и городов, и бойцов воинских частей, расположенных в Крыму, укрепило политико-моральное состояние»*. Урожай, посеянный Крымским обкомом для подъема «политико-морального состояния», как нетрудно догадаться, достался немцам.

Еще одну авантюру, также очевидно направленную на подъем морального духа, обком затеял с эвакуацией партактива. Особенностью Крымской эвакуации было то, что ее собирались осуществить не в полном объеме. Крымский обком, с подачи командования 51-й армии, а позже и войск Крыма, долгое время надеялся на то, что немцев удастся не пустить хотя бы в горную часть Крыма.

Часть актива партийных и советских органов была первоначально эвакуирована из степного Крыма в район Алушты, куда было завезено около 200 тысяч тонн муки и большое количество иного продовольствия, а также предметов первой необходимости.

От кого исходила инициатива сосредоточить партхозактив в горном Крыму, неизвестно, но последствия такого решения оказались трагическими. 51-я армия отошла к Ак-Монайским позициям, Приморская – на Севастополь, и немцы почти с ходу ворвались в горную часть Крыма. Выбраться из нее удалось немногим. Более 5 тысяч коммунистов, то есть более четверти партийной организации полуострова, погибли и пропали без вести, не успев добраться до эвакупунктов. Еще три тысячи человек были вынуждены остаться на оккупированной территории. Около тысячи человек ушли в партизанские отряды. Примерно 7 тысячам удалось выбраться с полуострова самостоятельно.

Смена приоритетов (17 июля – 13 августа)

15 июля 1941 г. вышла директива № 00356 Ставки ВК «О строительстве оборонительных рубежей». 4-й пункт директивы предусматривал: *«для прикрытия Черноморского побережья и недопущения десантных высадок построить полевые позиции в местах вероятных высадок десантов противника:*

а) в районе Одессы на фронте Акембат, раз. Дальник, Люстдорф, Фонтанка, Сычевка, Аджиаска, Очаков, Покровка (на полуострове), Свободный Порт, Кларовка;

б) на Крымском полуострове в районе Евпатория, Николаевка, Севастополь, Балаклава, Батилиман, м. Кикехеиз, Ялта, Гурзуф, Алушта, Кучук-Узень, Капсихор, Судак, м. Меганом, Феодосия;

в) на Крымском перешейке в районе Скадовск, Перекоп, Сергеевка, Н[ово]-Дмитриевка, Геническ».

Персональная ответственность за возведение рубежей на Крымском перешейке и на побережье Крымского полуострова возлагалась на командира 9-го стрелкового корпуса. Строительство рубежей предписывалось начать немедленно и закончить не позднее 30 июля 1941 г. (ЦАМО РФ, ф. 48а, оп. 3408, д. 4, д. 43–45). В жизнь эта директива была проведена лишь частично, причем строительство укреплений на перешейке шло с наибольшими задержками.

По-прежнему продолжалось совершенствование противодесантной обороны, которую уже развернули и в районе перешейков. Теперь корпус (при живейшем одобрении командования флота, постоянно обнаруживавшего очередные намерения противника высадить десант в Крыму) занимался обеспечением морских секторов Перекопских, Чонгарских позиций и Арабатской стрелки. Там создавалась система инженерных заграждений, а позднее стали строиться пулеметные и артиллерийские ДОТы. Позднее к оборонительным работам были привлечены и флотские инженеры.

17 июля положение войск на Южном фронте резко ухудшилось. Части 9-й армии оставили Кишинев, а 19 июля начали отход за Днестр. После этого командование войсками Крыма впервые проявило интерес к Перекопскому перешейку.

Командующий войсками генерал-лейтенант Батов в сопровождении командира 106-й СД полковника Первушина выехал на Перекопский перешеек. Посещение Перекопа произвело на командиров неприятное впечатление. В ровной степи, без каких-либо естественных укрытий, ничто не защищало даже от огня стрелкового оружия. Как сказал Батову впервые увидевший местность полковник Первушин, *«если тут придется воевать, солдату приткнуться негде».*

Перекопский перешеек, соединяющий Крым с материком, имеет ширину от 8 до 23 километров при длине около 30 километров. Тут проходят шоссейная дорога к Каховской переправе через Днепр и железная дорога Джанкой – Херсон. Самое узкое место находится на севере, у деревни Перекоп, где еще в старину перешеек был перегорожен так называемым турецким, или Перекопским, валом – старинной земляной насыпью. Несколько южнее его расположен небольшой поселок Армянск. На юге перешеек достигает 15 километров в ширину, и здесь находятся пять довольно крупных озер. Дефиле между ними получило название Ишуньских позиций – по имени близлежащей деревни. С востока Перекоп омывает Сиваш, с запада – Каркинитский и Перекопский заливы Черного моря. Как и на севере Крыма, местность здесь равнинная. Она трудна для наступающих войск, но для ее обороны все равно были нужны укрепления.

Из укреплений же на Перекопе командующему удалось обнаружить только турецкий вал, старую крепость Ор-Калу и старые белогвардейские окопы, возведенные оборонявшимися здесь в 1920 году войсками Врангеля.

Командующий пришел к выводу, что для уверенной обороны Перекопа необходимы как минимум три линии обороны: в районе турецкого вала, вторая линия обороны и тыловой рубеж в районе Ишуни. Как вспоминал позднее сам Батов, *«о степи за Ишунью мы пока не решились и думать из-за недостатка сил»*.

Планировалось усилить Перекопский вал противотанковыми препятствиями, а также превратить в опорный пункт совхоз «Червонный Чабан», находившийся несколько впереди. Второй рубеж, который решено было оборудовать на линии Будановка – Филатовка, должен был пока состоять только из траншей и окопов; также решено было начать укреплять район Ишуньского Пятиозёрья.

Первый вариант плана инженерного обеспечения обороны Крыма, разрабатывавшийся начальником инженерной службы 9-го ОСК подполковником Аболяевым в соответствии с полученными указаниями Ставки, был закончен только 27 июля 1941 г.

Командующий войсками Южного фронта генерал армии Тюленев своей директивой отклонил представленный план. В соответствии с требованием Ставки ВГК командование фронтом предложило вести инженерную подготовку с учетом вероятности изолированной обороны Крыма, снова сделав упор на защиту высадочных районов. Предложенный Батовым вариант защиты полуострова был признан недостаточным и предусматривающим лишь противопехотную оборону Крыма в виде слабых и разрозненных отдельных оборонительных пунктов, без учета танковых атак, артиллерийских ударов и ударов авиации.

При этом особое внимание командованием фронта все-таки обращалось на укрепление северного рубежа полуострова: Перекоп – Геническ, который был признан слабо подготовленным.

Для руководства работами разрешалось сформировать одно управление военно-полевого строительства, привлечь с помощью республиканских властей инженерно-технический состав, местное население, транспорт и материальные ресурсы.

В начале августа 1941 г. новый план обороны Крыма был утвержден. Он предусматривал строительство двух полос обороны на севере – Перекопской и Чонгарской, а на юге – Ишуньской. Северная позиция рассматривалась как основная. На ее укрепление были направлены все усилия военных и гражданских руководителей республики.

Однако генерал-лейтенант Батов полагал, что и новый план обороны не соответствует возможностям обороняющих Крым войск, и счел нужным 4 августа подать Тюленеву *«докладную записку по вопросам организации обороны Крыма»*.

В записке командир 9-го ОСК обращал внимание командующего фронтом на то, что *«последняя обстановка, складывающаяся в настоящее время на фронте, ставит вопрос организации обороны Крыма как изолированной обороны»*.

В такой ситуации сил, выделенных для обороны полуострова, становилось явно недостаточно для выполнения поставленных Ставкой задач, так как *«расчет инженерных работ с учетом упорной и активной обороны перешейков силами не менее двух дивизий построен на четыре стрелковые дивизии, которые образуют круговую оборону полуострова»*.

Вместо необходимых при подобной оборонительной тактике шести стрелковых дивизий Батов имел в своем распоряжении всего две и одну кавалерийскую, которая была *«сформирована по особым штатам сокращенного состава»* и состояла из трех кавполков общей численностью 3000 сабель, а также одного бронедивизиона плавающих танков Т-40.

Командир корпуса справедливо полагал, что имеющиеся в его распоряжении войска *«полностью задачу по обороне Крыма не решат как активную оборону, а будут представлять отдельные мелкие группы прикрытия, растянутые по всему побережью на широком фронте, и то только на вероятных направлениях»*.

Батов высказывался примерно как и Жуков: он тоже считал, что *«широкие равнинные пространства Крыма представляют собой хорошие аэродромы для высадки парашютных десан-*

тов пр[отивника в массовом к[оличест]ве на всей его территории, а это также требует значительного количества войск для обеспечения всего этого пространства».

Для борьбы с десантами на местах были сформированы 33 истребительных батальона. Два полка 48-й КД, сменившей после начала войны 32-ю, должны были играть роль подвижной ударной группы. Третий полк дивизии обеспечивал стратегически важный Чонгарский мост и район Джанкоя, являвшегося крупным железнодорожным узлом.

Кроме аэродромов потенциальных, к которым была отнесена вся степная часть Крыма, на полуострове имелись еще 35 аэродромов настоящих. Из них только четверть охранялась хорошо вооруженными и обученными специальными караульными авиачастями, остальные находились под наблюдением все тех же истребительных батальонов, что не обеспечивало должного уровня охраны.

Большие расстояния мешали войскам прикрытия быстро добраться до любой точки полуострова, где мог высадиться десант. Правда, высаживаться в голой степи значительным силам противника не имело смысла, так как их там было легко обнаружить, окружить и уничтожить.

Однако командование корпуса, действуя в духе жестких требований Ставки, не считало такую возможность маловероятной.

Для быстрой ликвидации любого высадившегося десанта *«хотя бы до полка»*, по расчетам Батова, требовалась подвижная механизированная группа или кавдивизия обычного штата с танковым полком.

Симферополь, являясь «центром управления и базой снабжения Крымского полуострова», почти не имел зенитной артиллерии. Такая же ситуация была и в Джанкое. Для прикрытия этих объектов требовалось не меньше двух зенитных дивизионов.

В первой декаде августа оборонительные работы в районе перешейков наконец начались. Правда, сил для организации таких работ в распоряжении командования войсками Крыма имелось пока не много. 9-й корпус не располагал органами и частями оборонительного строительства. Поэтому основная тяжесть работ по инженерной подготовке полуострова к обороне легла на плечи местных руководителей, которые уже успели поучаствовать и в противодесантной обороне полуострова.

Еще 7 июля 1941 г. крымские обком партии и Совет народных комиссаров издали директиву, где потребовали от руководителей Крыма развернуть по всей территории оборонительное строительство. В директиве говорилось: *«Обком ВКП(б) и СНК Крымской АССР считают необходимым, в соответствии с задачами, поставленными Государственным комитетом обороны, немедленно привести в оборонное состояние все города, рабочие поселки, села, колхозы, совхозы, промышленные предприятия силами и средствами местного населения. Вокруг городов и крупных населенных пунктов создать пояса инженерных укреплений (окопы, препятствия против пехоты и танков)».*

Из ресурсов народного хозяйства Крыма для строительства и установки проволочных заграждений было выделено 500 тыс. кольев, 1406 т колючей и 534 т гладкой проволоки. Для строительства огневых точек было предоставлено 3866 куб. м лесоматериалов и 108 т цемента.

После утверждения планов оборонительного строительства Керченский горком партии направил на Перекоп группу инженеров для установки противотанковых заграждений.

На Керченском металлургическом комбинате им. Войкова в спешном порядке было организовано массовое производство двухметровых стальных надолбов, которые устанавливались в специально отрытых траншеях на северной позиции и заливались бетоном.

На строительстве укреплений было задействовано около 40 тысяч жителей Крыма, в основном женщин и подростков.

В оборудовании оборонительных позиций на перешейке оказало помощь и командование главной базы флота. Группа минёров главстаршины Мосякина, используя выделенные базой морские мины, минировала Сиваш и Перекоп. Обладающие большой мощностью мины вместе

со специально подготовленными фугасами оснащались электродетонаторами и устройствами проводного подрыва, после чего устанавливались в предполье обороняемых позиций.

Южный фронт выделил для оборонительных работ первое из четырех созданных решением его Военного совета управлений военно-полевого строительства. Его возглавил генерал-майор Новиков. Позднее из-под Одессы сюда было переброшено и 2-е УПВС полковника Шурыгина.

Однако строительство укреплений, центр тяжести которого наконец начал смещаться на перешейки, не означало изменения общего плана обороны Крыма. Для обороны возводимых на Перекопе весьма скромных укреплений не выделялось стрелковых частей.

Наоборот, один из батальонов 106-й СД по требованию командования ЧФ был отправлен в Скадовск для охраны объектов под Николаевым.

Этому были свои причины. Командование ЧФ ввиду неопределенности позиции Ставки по Крыму, не выделившей пока полуостров из ряда других оборонительных рубежей, выработало свое собственное видение его обороны, сильно переоценивая значение Одессы для обороны Крыма.

13 августа Командующий Черноморским флотом доложил Главнокомандующему Юго-Западного направления Будённому и народному комиссару ВМФ Кузнецову свои соображения о значении удержания Одессы в руках Красной армии. В них Октябрьский прямо связывал возникновение «смертельной угрозы Крыму» с оголением левого фланга полуострова в результате потери города и просил перебросить в Одессу еще 3 стрелковых дивизии.

Однако начало боев за Одессу уже сыграло свою положительную роль в оценке Ставкой становившейся все более очевидной необходимости защищать Крым с суши. Двух стрелковых дивизий Приморской армии и поддерживающей их одной кавалерийской не хватило даже для того, чтобы занять весь периметр обороны города. Для прикрытия Одессы с восточного направления пришлось создавать сводную группу комбрига Монахова, формируя для нее полки из моряков и пограничников.

Весь же Крымский полуостров в это время прикрывался еще меньшим количеством войск – всего двумя стрелковыми дивизиями. Становилось ясно, что сил 9-го стрелкового корпуса для обороны Крыма явно недостаточно.

После обсуждения предложений командующего флотом в Ставке нарком ВМФ сообщил командующему ЧФ, что в переброске дивизий в Одессу отказано, а принято решение о выделении трех дивизий на Перекопский перешеек и о создании в Крыму отдельной армии.

Сплошной аэродром (23 августа – 1 сентября)

Несмотря на создание в начале августа нового плана обороны Крыма, борьба с воздушно-десантным нападением противника по-прежнему являлась одной из основных задач командования войск Крыма. Однако по мере приближения немецких войск к полуострову отношение советского командования к возможности высадки противником воздушных десантов постепенно становилось все более спокойным.

Принятый 23 августа *«план борьбы с воздушно-десантным нападением на территории Крыма»* делал основной акцент в борьбе с возможными десантными операциями на использование истребительной авиации и истребительных батальонов.

Несмотря на то что в плане по-прежнему говорилось: *«борьба с воздушными десантами должна вестись одновременно в воздухе, на земле и на море всеми средствами войсковых частей и мирного населения как днем, так и ночью»*, организовывалась эта борьба теперь совсем иначе, нежели в первые месяцы войны.

Руководство ПВО Крыма, несмотря на оперативное подчинение Черноморского флота армейскому командованию, было возложено командующим на начальника ПВО Черноморского флота, который имел свое отделение при штабе 51-й армии *«для руководства наземных войсковых соединений всеми имеющимися в их распоряжении средствами»*. Общее руководство всеми средствами ПВО Крымского участка осуществлял флагманский командный пункт ПВО ЧФ.

В авиации же единоначалия вводить не стали. Командующим ВВС армии и командующему ВВС ЧФ были установлены зоны действия их авиации.

Весь Крымский полуостров был разделен на девять районов, оборона которых возлагалась на дислоцированные в них соединения и части, истребительные отряды и части береговой обороны Черноморского флота. Ответственность за организацию обороны районов возлагалась на командиров частей, которые должны были в случае высадки воздушных или морских десантов организовать противодействие высадке и оборону занимаемой территории, привлекая к ней местное население.

Основное внимание по-прежнему уделялось отражению воздушных десантов. При этом, чтобы увеличить запас времени для получения возможности уничтожения части десанта еще в воздухе и для переброски частей на угрожаемые участки, значительно усиливалась система ВНОС. Для этого, в дополнение к уже существующим постам, развертывались дополнительные в северо-западной и северо-восточной частях Крыма (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 24).

Для повышения надежности и гарантированного обнаружения самолетов с десантом еще на подлете система оповещения делалась тройной. Сеть постов ВНОС Черноморского флота дублировалась сетью войсковых постов, постов истребительных батальонов и дружин, которые объединялись под общим командованием отдела ПВО 51-й армии, имевшего главный пост в Симферополе. Одновременно с его оповещением вся информация должна была также сообщаться в главный пост Черноморского флота. Истребительная авиация должна была оповещаться напрямую с постов всех уровней, а указания получать с главных постов армии и флота.

Для облегчения действий постов ВНОС и *«лучшей организации наблюдения за налетом противника на наши города»* запрещались полеты любых видов авиации, кроме истребительной, в районах восьми километров от Симферополя, Джанкоя, Сарабуза и Армянска. Севастополь в этот список почему-то не попал.

Места возможной высадки десанта должны были окаймляться подожженной ветошью, паклей, соломой и прочими горючими материалами, что служило указанием для нанесения бомбовых и штурмовых ударов. Подобная мера, в силу того что противник мог, воспользовавшись дымовыми сигналами, легко ввести авиацию в заблуждение, являлась крайней и могла

применяться лишь по указанию командира войскового соединения, в зоне ответственности которого противник высадил десант (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 26).

Вся система постов ПВО связывалась проволоочной связью и, на случай ее нарушения ударами авиации противника или действиями его диверсантов, дублировалась по радио на волне оповещения. Кроме того, устанавливались зрительные сигналы в виде пропитанных бензином вех, которые должны были зажигаться по направлению движения противника. В отличие от использования импровизированных горящих сигналов, использование стандартных вех в ночных условиях являлось обязательным.

В дневных условиях направление на десант указывалось двумя пятиметровыми белыми полотнищами, которые должны были выкладываться острым углом в направлении десанта. Такие полотнища имелись в каждой роте всех войсковых частей и во всех истребительных батальонах полуострова. Также для наведения на противника широко использовались кодированные карты, использованию которых обучался состав всех постов ВНОС.

Для оповещения о высадке десанта по проводным средствам связи и радио был установлен единый сигнал «Буря». При получении этого сигнала начальники участков, соседних с тем, с которого он был подан, были обязаны, не ожидая приказа вышестоящего командования, *«немедленно содействовать всеми средствами уничтожению высадившегося противника»* (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 28).

Для уничтожения самолетов с десантом на подлете должна была привлекаться вся истребительная авиация, находящаяся на полуострове, а на всех аэродромах создавались специальные дежурные подразделения круглосуточной боевой готовности.

Так как наиболее удобным временем для высадки десантов являлась ночь, для противодействия возможным десантам были выделены специальные ночные аэродромы, на которых запрещались любые дневные полеты, чтобы и наземный персонал находился в максимальной готовности к обеспечению ночных действий выделенных подразделений.

Для сохранения максимальной боеспособности авиации в условиях возможного нанесения противником ударов по аэродромам все самолеты располагались рассредоточенно в капонирах и других заглублённых в землю укрытиях, которые тщательно маскировались.

На случай высадки десанта противником непосредственно на аэродром и иных попыток его захвата на каждом аэродроме оборудовались позиции для круговой обороны, которая в случаях необходимости должна была осуществляться *«с привлечением всего личного состава»*.

На ложных аэродромах, предназначенных для отвлечения внимания бомбардировочной авиации противника, в обязательном порядке устраивались ловушки, делающие невозможным десантирование на них посадочным способом.

Для уничтожения одиночных самолетов и мелких групп авиации противника устраивались маленькие аэродромы-засады, предназначенные для быстрого вылета на перехват одного звена истребителей. Такие аэродромы имели прямую телефонную связь с ближайшими постами ВНОС, и истребители с них оперативно поднимались в воздух при обнаружении самолетов-разведчиков или мелких групп бомбардировщиков. Для более эффективного использования машин и в связи со сложностью ночных действий с маленьких площадок, на ночь эти звенья перелетали на основной аэродром.

Отражение массовых налетов авиации противника производилось только по приказу командира истребительного полка, прикрывающего угрожаемый район. При этом самостоятельно командир мог ввести в бой только дежурную эскадрилью. Более крупные силы могли быть введены в бой только по распоряжению командующего ВВС (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 27).

Однако такая чрезмерная заорганизованность делала практически невозможным ведение широкомасштабных боевых действий. Поэтому несколько позже, ввиду приближения линии фронта к границам Крыма, было разрешено децентрализованное управление боем. 1 сентября

командующий 51-й армией приказал *«ввод в действие средств борьбы производить по инициативе частных начальников»* (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 66).

Решение на вылет, определение состава группы истребительной авиации и расчет встречи с противником для истребительной авиации ЧФ теперь надлежало производить командиру 62-го ИАП, а для истребительной авиации армии – командирам частей. Для истребительной авиации, приданной пунктам ПВО, подобные решения принимали начальники этих пунктов. И только в особых случаях эти решения принимал командующий ВВС армии. Он же осуществлял и боевое управление всей авиацией Крыма при совместном ударе по противнику (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 67).

Однако, несмотря на все эти обоснованные и взвешенные меры, полностью избавиться от последствий противодесантной истерии так и не удалось. Командующий 51-й армией генерал-полковник Кузнецов исходил из того, что *«центр Крыма – это сплошной аэродром, что точно известно врагу»*.

Из страха перед угрозой десантирования посадочным способом и из недоверия к собственной системе оповещения начальник штаба 51-й армии генерал-майор Иванов требовал летные поля всех аэродромов *«в свободное от полетов время днем и ночью загромождать автомашинами, тракторами и повозками»*.

Из местного населения, помимо истребительных батальонов, в каждом населенном пункте дополнительно организовывались дружины по уничтожению десанта. Эти дружины должны были нести круглосуточную сторожевую службу, организуя наблюдательные посты на чердаках, крышах и деревьях. В задачу этих дружин также входило создание препятствий на местности, пригодной для высадки посадочных десантов.

В степной части Крыма выполнить подобную задачу, конечно, было невозможно, но дружины сосредотачивались на подходящих участках, наиболее близких к населенным пунктам и важным дорогам. Они перекапывали поля, ставили сломанную технику и даже стога соломы, закрепленные кольями.

В случае обнаружения высаживающегося десанта дружины должны были вступить в бой с противником, стараясь продержаться хотя бы до прибытия истребительных батальонов, в задачу которых входило вести бой с противником до подхода ближайших регулярных частей (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 28).

Однако начавшиеся боевые действия показали: несмотря на то что борьба с воздушными десантами являлась одной из основных задач, поставленных перед армией, подготовка наземных войск к отражению ударов авиации противника находится на низком уровне. Наиболее плохо подготовленными оказались стрелковые части. Занятые строительством оборонительных сооружений, они уделяли недостаточно времени организации собственной противовоздушной обороны. Бойцы не знали силуэтов своих и чужих самолетов, опознавательных знаков и сигналов, использующихся собственной авиацией, и были незнакомы даже с основами тактики отражения воздушных налетов.

Ружейно-пулеметный огонь по низколетящим самолетам противника на уровне подразделений организовывался плохо и часто велся с расстояний, на которых являлся малоэффективным. Немецкие самолеты опознавались неуверенно и часто не обстреливались даже при проходе над боевыми позициями на малых высотах. Из-за трудностей с опознанием на средних и больших высотах, наоборот, свои самолеты часто принимались за немецкие.

Чтобы по возможности не повредить свои машины, бойцы, плохо зная их отличительные признаки, часто ориентировались не по типу самолетов, а по направлению, с которого они заходят. Немецкие летчики быстро заметили эту особенность и стали заходить на позиции советских войск с тыловой стороны. Такие удары давали наилучшие результаты и были связаны для противника с наименьшим риском.

Много шуму наделал случай, произошедший 20 сентября, когда 4 немецких истребителя на бреющем полете, зайдя с тыла оборонительных позиций и внезапно проштурмовав наши войска, не только не были сбиты, но даже не были обстреляны.

У зенитной артиллерии тоже имелись проблемы с опознаванием самолетов противника. Так, 16 сентября во время ведения боя с бомбардировщиками противника снарядом своей же зенитной артиллерии был сбит истребитель ЛаГГ-3.

21 сентября приказом командующего армией командиры всех наземных частей и соединений были обязаны в 5-дневный срок размножить и изучить со всем личным составом силуэты самолетов своей и вражеской авиации. Был введен постоянный контроль со стороны начальников штабов за знанием войсками действующих опознавательных сигналов своей авиации. С подразделениями всех родов войск в стрелковых дивизиях были проведены занятия по борьбе с низколетящими самолетами противника. Принятые меры дали свой результат. Авиация противника стала действовать более осмотрительно и осторожно, а войска стали нести меньшие потери от ее штурмовых ударов.

В то же время имевшие солидный боевой опыт немецкие части умели защищаться от ударов с воздуха значительно лучше советских. При нанесении по ним штурмовых ударов у всех видов советской авиации возникали значительные трудности. В донесениях армейского и флотского командования часто отмечалось, что *«наши самолеты, летая в районы расположения войск противника на бомбометание, сопровождение и разведку, не наносят удары по противнику огнем, истребители не штурмуют, бомбардировщики не ведут пулеметного огня по войскам противника на дорогах и в полосе маршрута, не деморализуют тыловые пути подвоза у противника огнем своих пулеметов»* (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 125).

Решить проблему оказалось довольно сложно. Сократить число «холостых полетов» чисто приказным порядком не получилось. Помимо хорошей подготовленности немецких частей к отражению налетов низколетящей авиации огнем стрелкового оружия, эффективно штурмовать части противника мешала и недостаточная подготовленность наших летчиков к подобным действиям.

Поэтому командованию армейской и флотской авиацией пришлось учить весь летный состав *«индивидуальному прицеливанию и точной наводке»*. Дополнительная подготовка в этом направлении требовала времени, поэтому для текущей боевой работы на время, пока большая часть летного состава осваивала методы штурмовки противника, были выделены *«отдельные экипажи охотников – мастеров летного дела для действия в тылу с целью парализовать работу тыла, разрушать пути сообщения, изматывать войска противника»* (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 126).

В целом к вопросам действия авиации командование 51-й армии подходило довольно взвешенно, адекватно оценивая ее возможности в складывающейся обстановке. Сохранение имеющегося парка машин, стремление всеми способами избежать лишних потерь становилось важным условием выполнения поставленных задач.

Так, в приказе по ВВС армии от 12 сентября говорилось, что с момента, *«когда войска 51-й отдельной армии вплотную встречаются с врагом... задачи ВВС армии стали еще более ответственными и сложными. <...> Успешное выполнение боевых задач, возложенных Верховным командованием на наши войска и авиацию, требует от личного состава ВВС бережного отношения к самолету, с тем чтобы обезопасить себя от излишних неоправданных потерь в дорогостоящей материальной части»* (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 92). Авиация войск Крыма, сумев сохранить летный состав и материальную часть, постепенно накапливала боевой опыт и сыграла значимую роль в борьбе за перешейки. Эффективность действий советской авиации была настолько высокой, что 20 октября в журнале боевых действий верховного командования Вермахта была сделана запись: *«Наступление затруднено прежде всего*

из-за господства противника в воздухе; наше истребительное прикрытие и действие средств ПВО на открытой местности в районе перешейков недостаточны».

Бережное отношение к авиации привело к тому, что основные силы советской авиации, нанеся большой урон врагу, смогли уцелеть в жестоких боях за Крым, и 194 машины приняли участие в битве за Севастополь (ЦАМО РФ, ф. 406, оп. 9837, д. 2, л. 61).

Корпус превращается в армию (14 августа – 20 сентября)

14 августа вышла директива Ставки № 00931 о создании 51-й отдельной армии, в корне менявшая соотношение сил в Крыму. (Текст директивы дается по изданию: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: Терра, 1996).

«ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 00931

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ, КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА, НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, КОМАНДУЮЩЕМУ 51-й ОТДЕЛЬНОЙ АРМИЕЙ, КОМАНДИРУ 9-го ОТДЕЛЬНОГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА О ФОРМИРОВАНИИ И ЗАДАЧАХ 51-й ОТДЕЛЬНОЙ АРМИИ

14 августа 1941 г. 22 ч. 00 мин.

1. Для обороны Крыма сформировать 51-ю Отдельную армию (на правах фронта) с непосредственным подчинением Верховному Главнокомандованию.

Командующим армией назначаю генерал-полковника Кузнецова, зам. командующего армией – генерал-майора Батова. [С 10.04.1940 г. Батов генерал-лейтенант. – Ю.А.С].

Штаб армии – район Симферополя.

2. На армию возложить задачи:

а) не допустить врага на территорию Крымского полуострова с суши, с моря и воздуха;

б) удерживать Крымский полуостров в наших руках до последнего бойца;

в) действиями Черноморского флота воспрепятствовать подходу и высадку на Крымский полуостров десантов противника.

3. В боевой состав войск вновь сформированной 51-й отд. армии включить 106, 156, 271 и 276-ю стр. дивизии, 40, 42 и 48-ю кав. дивизии.

4. Командующему 51-й армией в оперативном отношении подчинить Черноморский флот в отношении выполнения задач, касающихся обороны Крыма.

5. Военному совету 51-й отд. армии:

а) за счет призыва людских ресурсов Крыма до 1895 года [рождения] включительно сформировать две-три стрелковые дивизии и необходимое количество бронеплощадок;

б) немедленно развернуть с привлечением местного населения инженерные работы по усилению обороны территории полуострова, прочно закрыв в первую очередь пути на полуостров фронтом на север на рубежах:

– Юзкуи, ст. Новоалексеевка, Люблинка на Чонгарском перешейке;

– Первоконстантиновка, свх. Ставки на Перекопском перешейке;

– северная оконечность Арабатской стрелки, Тюп-Джанкой, ст. Сиваши, Тазанай, Джей-туган, Томашевка, Брулевка, Уржисин, Ишунь;

в) очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей-немцев и других антисоветских элементов;

г) для организации обороны Крыма использовать все материальные средства территории полуострова. Все ценное и ненужное для обороны эвакуировать.

6. Зам. НКО генерал-лейтенанту авиации Жигареву в ближайшее время пополнить полк ДБ Крыма до полного штата и усилить авиацию армии двумя истребительными полками.

7. Получение подтвердить.

Верховный Главнокомандующий И. СТАЛИН.

Начальник Генерального штаба Б. ШАПОШНИКОВ»

(ЦАМО, ф. 148а, оп. 3763, д. 90, л. 47–48).

Теперь Крым должны были защищать 4 стрелковые, 3 кавалерийские дивизии и несколько дивизий народного ополчения. Командовать армией должен был генерал-полковник Кузнецов, до этого командовавший войсками Северо-Западного фронта, а командир 9-го стрелкового корпуса становился его заместителем.

Во исполнение директивы Ставки в Крым в августе были переброшены 2 стрелковые и 3 кавалерийские дивизии. Обе стрелковые дивизии были спешно созданы уже после начала войны.

Как сформированная в Орловском военном округе 271-я стрелковая дивизия полковника Титова, так и сформированная под Черниговом 276-я дивизия генерал-майора Савинова были неполного состава. Обе дивизии также не имели штатного количества транспорта и артиллерии. Подразделения дивизий были слабо обучены и не успели пройти боевого слаживания.

Еще более низкой оказалась боеспособность кавалерийских дивизий. Так как формирование кавалерийских дивизий происходило в основном в августе, в их составе имелось довольно мало бойцов призывного возраста. Все они формировались в соответствии с решением Ставки о создании легких кавалерийских дивизий. Численность их была почти в 3 раза ниже довоенной и не превышала 3 тысяч человек.

В Крым дивизии поступали не только недоукомплектованными, но часто недоформированными, как это произошло с 48-й отдельной кавалерийской дивизией генерал-майора Аверкина, формировавшейся в Полтавской области. В Крым дивизия, переброшенная по железной дороге (ЦАМО, ф. 48а, оп. 3408, д. 4, л. 97), прибыла без обоза, что до предела осложнило в дальнейшем подвоз и обеспечение частей боеприпасами, фуражом и продовольствием. И без полагавшихся по штату автоматов ППД, которые были досланы в Крым самолетами из Москвы. Не имела дивизия и средств связи, и тачанок. Пулеметы приходилось возить на простых телегах, что приводило к постоянным поломкам разбалтывающихся узлов крепления и существенно ограничивало скорость передвижения. Не лучше обстояли дела в сформированных в Краснодарском крае 40-й кавдивизии полковника Кудюрова и 42-й кавдивизии полковника Галеева.

Одновременно в Крыму было развернуто формирование сразу четырех дивизий народного ополчения:

1-я Крымская – формировалась из жителей Евпатории.

2-я Крымская – формировалась в Ялте.

3-я Крымская – формировалась в Симферополе.

4-я Крымская – формировалась в Феодосии.

19 сентября все дивизии получили общевоинские номера. 1-я стала 321-й стрелковой, 2-я – 184-й стрелковой, 3-я – 172-й стрелковой, 4-я – 320-й стрелковой.

Большое количество ранее вступивших в народное ополчение позволило отобрать для дивизий лучшие, наиболее надежные и обученные кадры. Но с вооружением вновь формируемых дивизий возникли значительные проблемы: в Крыму, как и в Одессе, не имелось никаких запасов оружия, даже винтовок. Часть орудий и минометов для ополченских дивизий пришлось изъять из 156-й и 106-й стрелковых дивизий, что вызвало вполне понятное недовольство их командования. Командир 156-й стрелковой дивизии генерал-майор Черняев даже заметил

командующему корпусом: *«Только, пожалуйста, сами скажите об этом командирам полков. У меня язык не повернется!»*

В Крым, правда, поступило довольно значительное по меркам первых месяцев войны количество оружия, но большую его часть вскоре пришлось отправить в Одессу, в соответствии с категоричным указанием, содержавшимся в директиве Генштаба, поступившей 5 сентября: *«Немедленно выделить за счет 51-й армии и отправить в Одессу 5 тысяч винтовок, 150 станковых пулеметов, 300 ППД, 200 ручных пулеметов Дегтярева, 100 82-миллиметровых минометов с тремя боекомплектами»*.

И хотя в конце этой директивы значилось, что наряды на доставку оружия и боеприпасов в Крым уже даны соответствующим базам, войска 51-й армии встретили врага недовооруженными.

3-я Крымская дивизия, которую возглавил полковник Торопцев, создавалась как мотострелковая. Она имела три полка, именовавшихся на тот момент моторизованными. Исходя из этого командование вскоре приняло решение усилить дивизию еще и танковым полком, хотя непосредственно в состав дивизии он не вошел. Такой полк, который стал именоваться 5-м танковым, начали формировать там же, в Крыму, хотя танков для создания целого полка на полуострове не имелось.

Вопрос о выделении бронетехники для 51-й армии генерал-полковник Кузнецов пытался решить с момента своего назначения на должность командующего армией. 14 августа, в день выхода директивы Ставки о формировании 51-й армии, он отправил записку непосредственно на имя Сталина:

«НКО, т. Сталину.

В дополнение предназначенных сил и средств в состав отдельной 51-й армии прошу Вашего решения о выделении 25 танков (5 КВ и 20 Т-34), 20 бронемашин, 45 тракторов и 150 грузовых автомашин. Эти средства обеспечат формирование мототанкового полка, который необходимо иметь на территории Крымского полуострова для уничтожения авиадесантов врага.

В данное время в составе 9-го СК бронетанковых единиц нет. По докладу генерал-лейтенанта Батова 9-й СК имеет всего 150 грузовых автомашин всех назначений. Тов. Батов дал сведения, что весь автотранспорт полуострова мобилизован ОдВО. Поэтому увеличить автотранспорт 51-й отдельной армии за счет территории Крыма не представится возможным. Генерал-полковник Кузнецов. 14.8.41 г.»

Сталин решил вопрос положительно, частично сократив количество запрошенной Кузнецовым техники, и наложил резолюцию: *«Можно дать 12 бронемашин, 12 Т-34, 10 Т-38, 20 тракторов, 100 грузовиков. И. Сталин»*.

При этом количество и состав выделенных им машин вполне соответствовали сформулированной Кузнецовым задаче *«для уничтожения авиадесантов врага»* – задаче, которую ставила перед 51-й армией и сама Ставка.

22 августа вышло распоряжение ГКО № 547сс «О выделении АБТВ для 51-й армии».

Войска 51-й армии получили 10 танков Т-34, бронемашины и, возможно, другую выделенную технику.

Но по иронии судьбы решающую роль в создании полка сыграл только что назначенный на должность командующий военно-воздушными силами 51-й армии полковник Судец, ранее командовавший 4-м авиакорпусом ДБА ГК, действовавшим на Юго-Западном направлении. Прежде чем отправиться в Крым, Судец смог решить вопрос о передаче 51-й армии из днепропетровских ремонтных баз около 70 неисправных плавающих танков Т-37 и Т-38 из ремонтного танкового фонда. Начальник автоэшелона 4-го авиакорпуса Колесников отобрал для отправки на полуостров нужное количество боевых машин, наиболее пригодных для ремонта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.